

Снова туда, где море огней...

Театру необходим четкий ритм работы. И Николай Бочкун, заслуженный артист Латвийской ССР, ведущий баритон Рижского театра оперетты, готов на все, чтобы ритмично бился пульс театральной жизни. Он отлично понимает, как важно быть «в форме», как много значит физическая закалка, если хочешь хорошо работать. Недавно закончившиеся гастроли в Ленинграде принесли гром аплодисментов, охапки цветов, перевыполнение плана, что тоже важно, а вот удовлетворения не принесли: он плохо себя чувствовал, работал с напряжением и был недоволен собой.

— Когда выходишь на сцену, скрывая свое недомогание, уже знаешь, что будешь петь не так, как мог бы, как должен... А ленинградские зрители деликатно делали вид, что не замечают моих усилий... Стыдно было подводить итоги после спектакля. Особенно тяжело пришлось на «Марице» — спектакле вокальном. Поешь, а голос тебя не слушается. Чувствуешь это, борешься с собой, со своим голосом, а надо играть, жить в образе.

...Сын железнодорожника из сибирского города Ишима, выходец из многодетной семьи. Старший брат — машинист, младший — тоже. Сестры «пошли» в медицину. Сначала в семье смотрели на его тягу к музыке, как на детскую забаву. А он учился играть на трубе, потом на контрабасе. И наконец — пение. Успешно закончил консерваторию в Свердловске, работал в оперных театрах, а потом совершенно случайно попал в оперетту да так и «осел» в ней.

Николай Бочкун выступил примерно в сорока опереттах и всегда исполнял центральные роли, и всегда с успехом. Он не переигрывает, не старается сорвать аплодисменты, владея драгоценным чувством меры. Его герои благородны и, как правило, очень сдержанны. Артист изящен, пластичен, легок, музыкален. В диалогах говорит тихо, но внятно, с достоинством произносятся каждое слово. И где-то глубоко-глубоко запрятанный, журчит в его словах драгоценный ручеек юмора. Но главное, конечно, вокал. Баритон Бочкуна мягок, подвижен, широк по диапазону, мелодичен. Он мастер лирического, задушевного пиано. И вдруг — взрыв! Светлый и чистый голос обретает грозную, исполинскую силу.

Николай Бочкун любит повторять:

— Я самый счастливый человек на земле: могу всю жизнь заниматься любимым делом.

У него были прекрасные учителя, великолепные партнеры, чуткие и всегда немножко влюбленные в него зрители. Но ничто не кружит ему голову, не нарушает давно установленного им незыблемого закона — быть себе самому самым строгим судьей. Он знает свои недостатки. Ему не хватает порой импровизационной легкости, сценической раскованности. Не всегда еще удается ему «докопаться» до сути воплощаемого на сцене образа. Есть еще над чем работать. До совершенства далеко! Но Николай Бочкун из тех упрямых сибиряков, которые одной рукой подкову гнут.

— Если партнер у тебя слаб, — говорит он, — значит, виноват ты. Грош цена солисту, если он думает только о себе, не старается подставить плечо товарищу, которому пока еще трудно. Театр — искусство, как известно, коллективное: я отвечаю за всех, все отвечают за меня.

Руководство театра поручило Бочкуну заниматься с молодыми артистами, пока еще не овладевшими в должной мере вокальным мастерством. Его ученица Альбина Кожикова — недавно ей было присвоено звание заслуженной артистки республики — ныне является ведущей солисткой театра и основной партнершей самого Николая Бочкуна. Успешно работают в театре, осваивают новые партии и другие его ученики.

Сохраняя верность оперетте (а его приглашали и оперные театры), Николай Бочкун выступает с камерными программами на концертной эстраде. Огромной популярностью пользуются в Риге созданные им циклы концертов старинного русского романса.

С огромной радостью воспринял коллектив театра идею поставить «Мнимую садовницу» Моцарта. В восторге был и Бочкун.

— За что вы так любите Моцарта? — спросила я его тогда.

— За недостижимость, — ответил он, не задумываясь. — Это гений, вечный идеал. Прикосновение к его музыке удесстеряет силы и обнажает слабость. Постановка зингшпиля «Мнимая садовница», которую осуществил в нашем театре режиссер Леонид Коган, — событие в жизни нашего коллектива.

Любовь к музыке Моцарта Николай Бочкун старается привить и участникам самодеятельной вокальной студии завода «Автоэлектробор», которой руководит вот уже несколько лет.

— Было время, — говорит он своим студийцам, — когда Моцарта считали этаким вундеркиндом, воздушным, легким мальчишкой... И такая же, мол, у него музыка — легкая, порхающая, озорная. Ничего подобного! Это — трагический композитор. Композитор-философ, любящий жизнь.

— Скажите, почему у нас нет или почти нет, за редким исключением, вокальных оперетт, в которых музыка, пение играли бы роль не увеселительно-иллюстративную, «дивертисментную», а были бы важнейшим элементом драматургии всего спектакля? — размышляет Николай Бочкун. — Истинной мелодичности, настоящему вокальному искусству иные предпочитают «невокальную музыку», которую нельзя да и не надо петь. Вместо оперетты, настоящей оперетты нам, по сути дела, предлагают микрофонный «шепот». Иной раз дело даже доходит до того, что артисты на сцене только открывают рты, а их незримые «дублиеры» поют, создавая некий, прямо скажем, маломюзикальный фон. Говорят, этого требует современный стиль. А по-моему, это просто ставка композиторов, пишущих оперетты, на артистов совсем не нашего, а эстрадного жанра.

К сожалению, некоторые наши композиторы пишут музыку для оперетты в стиле современной эстрады далеко не лучшего качества. Вот отсюда и идет волна «микрофонного пения». Напишут в таком регистре, что петь эту музыку неудобно — ее нужно шептать, уткнувшись в микрофон. Она как будто изначально рассчитана на безголосых артистов. А уж о мелодии такой музыки и говорить не приходится! Ее попросту нет. У нас шел спектакль «Любви все возрасты...» Георгия Порного. Прекрасная песня, рассказывающая о взаимоотношениях подростков со взрослыми. Тема эта вечная, нужная. Спектакль очень хорошо принимали зрители, и прошел он более ста раз. Но музыка в нем чисто эстрадная. Петь нам, артистам оперетты, нечего. Нужно говорить. Да и сама речь такая «интимная», что без микрофона не обойтись.

Не очень благополучно обстоят у нас дела и с опереттами, созданными на основе произведений литературной классики. Вот мы поставили «Пышку» Е. Птичкина по известной новелле Мопассана. Эта постановка куда слабее своего литературного первоисточника. И либретто было слабое, и спектакль получился неважный. В интерпретации либреттиста и композитора новелла утратила главное — свою злую саркастическую интонацию, свой обличительный пафос. Исчез замкнутый мещанский мирок, замечательно воссозданный великим французским писателем. И сама Пышка, в которой за внешней вульгарностью и цинизмом спрятана истинная человечность, стала похожа скорее на сентиментальную субретку.

Оперетту надо смелее и настойчивее противопоставлять дурным влияниям в воспитании молодежи и прежде всего малохудожественному эстрадному искусству. Сейчас мы всерьез занялись эстрадой. Ждет внимания и помощи и жанр оперетты. Он тоже может быть популярен у молодежи — в лучших своих образцах — и любим ею.

Но посмотрите, в каком помещении работает, например, наш театр. Сколько лет оно не ремонтировалось. Ничего не сделано для того, чтобы могли использоваться на сцене современные технические средства. Нет у нас даже радиотрансляции хотя бы на несколько рядов партера. И, пожалуй, самое важное — классификация. Наш театр почему-то настойчиво не желают переводить в ранг музыкальных театров (только оперетта!). Но он вполне соответствует этому уровню. Статус музыкального театра позволил бы нам значительно расширить репертуар, способствовал бы творческому росту вокалистов. Да и в финансовом отношении был бы очень выгоден. Ведь сейчас наши прекрасные оркестранты, многие из которых прославились на всю страну, получают ставки музыкантов циркового оркестра. Таков уж статус оперетты!

Я актер русской труппы двуязычного театра. Русская труппа должна своей работой развивать и популяризировать бессмертные традиции русской вокальной культуры вообще и опереточной — в частности. Кроме того, так как нашей труппе приходится выезжать на гастроли за пределы республики, мы должны высоко нести знамя латышского театра, его сценической и музыкальной культуры. Это всегда предопределяет особые ожидания зрителей. И мы не имеем права обмануть эти ожидания. Могут с гордостью сказать, что наши артисты достойно защищают марку своего театра.

...А «марка» театра — это люди, «населенные» театр. Каковы они, таков и их дом.

Ольга МАКАРОВА,
заслуженный деятель культуры
Латвийской ССР

РИГА.

Фото Б. Колесникова.